

ностью воинственной осанки. Только былая суровость прежнего облика воинов домонгольского периода смягчилась, в чертах лица появилось больше тонкости, его мощь больше не преувеличивается. Георгий изображается как бы рядовым участником битв, но он вознесен в своем человеческом достоинстве, и пафос героизма дан в нем по-иному, чем прежде, по-новому. В чем же произошло изменение?

Нередко русские люди средневековья не находили объяснения собственным подвигам, которые они совершали в пылу воинского вдохновения, и приписывали их Георгию, Дмитрию Солунскому, Борису и Глебу и архистратигу Михаилу, которого они именовали по своей военной терминологии «воеводой совершенного полка». Их они считали как бы реальными участниками боя. Подобного рода вмешательство обычных покровителей имеется, например, в описании Куликовской битвы.

Насколько представления о характере московского воина изменились по сравнению с образом героя домонгольского периода, видно из описания битвы Дмитрия Донского с Олегом Рязанским при Скорнищове в 1371 году. Летописец (Троицкая летопись и Московский свод конца XV века) называет рязанцев «суровии сущи человецы, свирепи и высокоумни, палаумни людища, возгордевшися величанием». Он осуждает их за презрение к москвичам, которых, не испытав в бою, они называют «слабыми, страшливыми и не крепкими», и за то, что они, понадеявшись на свою силу, сочли за лишнее вооружиться, а лишь взяли «ужища», т. е. веревки, чтобы ими вязать москвичей. Далее он описывает, как рязанцы в злой и лютой сече были побеждены «смирненными», по выражению летописца, москвичами и как сам князь Олег едва убежал с малой дружиной. Повествованием об этой победе москвичей летописец осуждает на примере рязанцев тип воина, хотя и отважного, но неосмотрительного, чрезмерно надеющегося на свою удаль и несоразмеряющего свою силу с силой врага. В то же время он восхищается «не возносящимися гордостью» москвичами.

В изображении Георгия на иконе «Никола и Георгий» из Русского музея пафос героизма дан не преувеличенным, как в произведениях домонгольского периода, а в более соразмерном с человеческими возможностями виде — он ближе к правде жизни, к тем людям, из среды которых выходили герои битв того времени. Он не подавляет зрителя своей исключительностью, зритель как бы видит в нем самого себя, только в возвышенном виде.

Рассмотренная нами икона Николы и Георгия относится к тому времени, когда Андрей Рублев был еще молод. Это — искусство старшего поколения.

К самому началу XV века относится еще один замечательный памятник, творение рук русской женщины. Шитая пелена с изображением Сергия Радонежского из Троице-Сергиева монастыря (ныне она хранится в Загорском музее-заповеднике).¹ Рисунок для шитья обычно давался иконописцем, выполнение принадлежало вышивальщице. Существует предположение, что рисунок для этого шитья был сделан художником, лично знавшим Сергия. Облик старца далек от канона. Перед нами человек с сильным и самобытным характером: рот энергично сжат, несколько косо поставленные глаза сближены и полны пронизательной сосредоточенности. Художественные приемы шитья очень разнообразны,

¹ Н. А. Щербakov и А. Н. Свиригин. К вопросу о творчестве Андрея Рублева. Изд. Гос. Сергиевского историко-художественного музея, 1928, табл. II. — История Москвы, I. М., 1952, стр. 83 и 86.